

ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ТУРГАЯ

Сейтов Абай Мейрамович, научный сотрудник отдела первобытной археологии;
научный сотрудник лаборатории археологических исследований

Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Республика Казахстан);

Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова (г. Костанай, Республика Казахстан)

Аннотация. Статья посвящена поясным пряжкам раннесарматского времени Тургая. Тургайский прогиб – это обширная территория, расположенная в северо-западной части Казахстана. Тургайский прогиб на севере переходит в Западно-Сибирскую низменность, на юге – в Туранскую. На западе прогиб соприкасается с Зауральским плато, а на востоке – с Казахским мелкосопочником. В статье анализируются три пряжки, происходящие из погребения № 5А кургана 1 могильника Каратомар и кургана 1 курганной группы Кеньш 3, рассматривается культурно-хронологическая позиция поясных пряжек Тургая в контексте распространения подобных изделий поясной гарнитуры в степях Евразии. Также затронута проблема происхождения и хронологии этих предметов. Пряжки, подобные каратомарской, пока обнаружены только на территории от Средней Азии и Казахстана до Нижнего Поволжья. Пряжка из кургана Кеньш 3 находит аналогии от Волго-Донья до Северного Китая. Типы пряжек, подобные тургайским, бытовали во II–I вв. до н.э. Анализируемые пряжки следует рассматривать в контексте общей моды на ношение поясной гарнитуры из металла, кости и камня, связанной с военной активностью хуннов.

Ключевые слова: Степи Евразии; Северо-Западный Казахстан; Тургай; Тургайский прогиб; могильник Каратомар; курганная группа Кеньш 3; раннесарматское время; раннесарматская культура; сарматы; хунны; поясные пряжки; II–I вв. до н.э.; пантера; верблюд; гагат; глинистый сланец.

Введение

Тургайский прогиб расположен в северо-западной части Казахстана, на территории Костанайской обл. На севере Тургай соприкасается с Западно-Сибирской низменностью, на юге переходит в Туран-

скую низменность. На западе он ограничен Зауральским плато, а восточная часть является западной окраиной Казахского мелкосопочника [1, с. 18–25]. Эпоха ранних кочевников Тургая мало изучена, поэтому актуально исследование скифо-сарматских

древностей. Данная статья посвящена трем поясным пряжкам раннесарматского времени из Тургая в контексте распространения аналогичных предметов поясной гарнитуры в степях Евразии. Затрагиваются вопросы их происхождения и хронологии (рис. 1).

Общая характеристика

Пряжка из погребения № 5А кургана 1 могильника Каратомар (рис. 1: 2). Памятник расположен на территории района Беимбета Майлина (Костанайская обл.), на левом берегу тобольского рукава Каратомарского вдхр., у северо-восточной окраины пос. Халвай. В 2017 г. Тургайской археологической экспедицией начаты раскопки синташтинского кургана № 1. В его насыпи на глубине 1 м были зафиксированы две впускные одновременные ямы, № 5 и № 5А, расположенные перпендикулярно друг другу. Яма № 5А прорезала восточную часть ямы № 5, относящуюся к савроматскому времени. Яма № 5А овальная, размерами 2,55 × 0,85 м, глубиной 0,4 м, ориентирована меридионально. Яма сильно нарушена грызунами. Часть костяка отсутствует. Судя по расположению костей ног, умерший находился в вытянутом положении головой на юг на деревянных носилках. Среди находок – железный меч без навершия и перекрестия, железные трехлопастные наконечники стрел с черешковым насадом, железное ложковидное изделие и бронзовая пряжка. Пряжка была обнаружена в восточной стенке ямы, на глубине 0,3 м, за носилками. Погребение относится к концу раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. [2, с. 316–327].

Пряжка бронзовая ажурная рамчатая, литая, прямоугольной формы с закругленными углами. Размеры: 9,6 × 4,9 × 0,8 см. Одна треть изделия обломана. С лицевой стороны, слева по углам рамки, имеются два отверстия для крепления к ремню. С той же стороны на узкой стороне рамки находится цельнолитой крюк-застежка. Внутри рамки заключен рельефный рисунок, сюжетом которого является сцена нападения кошачьего хищника (пантеры) на верблюда. Тело пантеры изогнуто, задняя часть и спина показаны в профиль, а передняя, включая шею, голову и лапы – анфас, сверху. Пантера, привстав на задние лапы, навалилась на жертву сверху, пастью вцепилась в основание ее шеи, левой лапой ухватила за передний горб, а правой – за шею. Задние лапы хищника согнуты в коленях и опираются на нижнюю часть рамки, а длинный изогнутый хвост приподнят и соприкасается с верхней частью рамки. На боку, в виде коротких, слегка изогнутых углублений, изображены ребра. Шерсть на шее пантеры показана косыми вертикальными линиями. Глаза в виде небольших впадин. От фигуры верблюда сохранилась только его передняя часть с горбом и фрагмент задней ноги. Верблюд упал на передние ноги, поджал их, вытянул шею и приподнял голову. Его морда примыкает к задней левой ноге пантеры (возможно, он кусает ее). Шерстный подвес на шее изображен тонкими косыми линиями, а на верхней части ноги шерсть показана вертикальной «елочкой». Голова верблюда выполнена схематично, заметна горбоносая морда, разрез пасти, овальное ухо с ложбинкой. На голове «шапка» густой шерсти, подчеркнутая горизонтальными линиями. На задней части головы в виде вертикальной, сломанной под тупым углом рельефной полоски, изображен ре-

мень упряжки с поводом, основная часть которого тянется вдоль шеи в сторону горба.

Пряжки из погребения кургана 1 курганной группы Кеньиш 3 (рис. 1: 3–4). Памятник расположен в 7 км к ЮЗ от г. Лисаковска (Костанайская обл.). Исследован Тургайской археологической экспедицией в 1995 г. под руководством В.Н. Логвина. Состоит из двух одновременных курганов – эпохи раннего железа и средневековья [3, с. 376–381]. Курган № 1, диаметром 25 м, высотой 1,25 м, окружен кольцевым ровом. В центре подкурганной площадки обнаружена подпрямоугольная яма, ориентированная по линии СЗ–ЮВ. В северо-западном секторе ямы, на глубине 1,9 м от древней поверхности, обнаружено парное захоронение. Умершие, условно обозначенные как «южный» и «северный», находятся вытянуто на спине, головами на юг с небольшим отклонением к западу. Под костяками прослеживается органический тлен. Среди находок – железные трехлопастные наконечники стрел с черешковым насадом, подпрямоугольные пластины, меч и кинжал с прямым перекрестием, серповидным и рожковидным навершиями, фрагменты деревянной посуды с бронзовой проволокой, бронзовые втульчатые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел и костяные пряжки, находившиеся в районе пояса, на тазобедренных костях «северного» костяка. Погребение относится к концу раннесарматской культуры. Наиболее вероятной датой следует считать II в. до н.э.

Костяные пряжки (2 экз.) располагались сверху, поперек тазобедренных костей. Они подпрямоугольной формы, пластинчатые, выпукло-вогнутые в сечении (по мнению Л.Л. Гайдученко, изготовлены из рога оленя). Пряжка с правой стороны тазобедренной кости, размерами 10,8 × 4,3 × 0,4 см (рис. 1: 3). На одном конце изделия просверлены два округлых отверстия. По-видимому, их было три (одно было расположено в обломанном уголке), они располагались по контуру воображаемого треугольника. На другом конце, по середине, выполнено два разных отверстия. Одно, округлое, по центру закраины изделия, другое – вытянутое овальное (2,17 × 0,63 см), расположено поперек пряжки и предназначено для пропускания конца ремня. Пряжка с левой стороны тазобедренной кости размерами 10,9 × 4 × 0,3 см (рис. 1: 4). На одном конце изделия расположены три округлых отверстия, аналогичные первому экземпляру. На другом конце, по середине, изначально тоже было отверстие, которое не сохранилось. По-видимому, пряжки пришивались к поясу, в котором продельвалось овальное отверстие для пропускания конца ремня.

Обсуждение

Бронзовая пряжка из Каратомар сопоставима с экземплярами раннесарматского времени. Они делятся на два варианта: с сюжетом лежащего верблюда и нападения пантеры на верблюда. Первый вариант пряжек пока известен в основном только в Волго-Донье, изредка отмечен в Средней Азии и Южном Зауралье. Они датируются II–I вв. до н.э. [4, с. 386–388, fig. 35; 5, рис. 1: 1–3, рис. 2: 1–5]. Пряжек второго варианта известно всего с десятков (рис. 2). В стилистическом отношении они близки, изображения на них выполнены схематично [6, с. 94, рис. 55: 1–6]. В Средней Азии такие пряжки происходят из Лявандакского и Шахривайронского могильников [7,

с. 35–36, с. 179–186] (рис. 2: 9–10). Такие же образцы встречаются и в нашей стране. Одна в Центральном Казахстане в кургане I могильника Карамурун II [8, с. 364, 402, рис. 64]. Три другие из Западного Казахстана, это пряжки из захоронения Тастагым [9, с. 186–194, рис. 2], могильника Талдысай I (к. 5) [10, рис. 2: 4] и могильника Жусандыой [11, с. 774] (рис. 2: 2–5). Схожий образец найден в кургане у дер. Ванюши (Челябинская обл.) [12, рис. 12: 49] (рис. 2: 11). Подобные находки встречаются и в Нижнем Поволжье. К их числу относится экземпляр из могильника Писаревка II (п. 2, к. 6) [13, с. 252, рис. 2: 11], могильника Петрунино II (п. 14, к. 1) [14, с. 152, рис. 4: 14] и могильника Кривая Лука VII (п. 28, к. 9) [15, рис. 6А: 9] (рис. 2: 6–8).

Наибольшее сходство каратомарская пряжка имеет с изделиями из Жусандыой и Писаревки. Почти совпадает ширина (жусандыойская – 4,8 × 10,8 см, писаревская – 4,8 × 11,3 см), изображение горбоносой морды верблюда, «шапки» шерсти, упряжки и других деталей. На писаревской пряжке более детализированы части животных.

Как известно, в результате многократных копирований поясных пряжек и блях, их последующая копия отличалась от предыдущего оригинала уменьшенными размерами и более смазанными деталями [16, с. 19]. Пряжки с сюжетом нападения пантеры на верблюда (кроме писаревской, жусандыойской и каратомарской), меньше по размеру, схематичнее и менее детализованные. Отсутствие изображения упряжки, повода, «шапки» шерсти и других деталей, возможно, свидетельствует об их относительно позднем изготовлении или неумелой копией. Создается впечатление, что эти три экземпляра были более близки к прототипу. Возможно, что писаревская пряжка являлась исходной моделью для каратомарской и жусандыойской.

Хронология пряжек этого типа II–I вв. до н.э. в основном не вызывает сомнений в научном мире [6, с. 94; 5, с. 73]. Это подтверждает и датировка погребения с пряжкой из Писаревки II, откуда происходит лучковая фибула с подвижным приемником II–I вв. до н.э. [13, с. 255–256]. Такие пряжки обнаружены на территории от Средней Азии и Казахстана до Нижнего Поволжья и не имеют аналогий в других частях Евразии [4, р. 385]. М.А. Дэвлет и А.С. Скрипкин предполагают их восточное происхождение, мода на которые сформировалась у хунну, а затем распространилась у других племен [16, с. 18–19; 15, с. 25]. Е.Ф. Королькова высказала мысль о казахстанско-южноуральском или сибирском происхождении такого типа ременной гарнитуры [6, с. 93]. Схожую мысль высказывал О.В. Обельченко, отнесший их к скифо-сарматскому искусству Южного Приуралья и Центрального Казахстана [7, с. 185–186]. А.К. Акишев включил тастагымскую пряжку в круг савроматских памятников Южного Приуралья [9, с. 193]. В.П. Глебов рассматривает такие пряжки как самостоятельный «сарматский» или «сарматско-среднеазиатский» тип в рамках общей моды на ношение зоморфных поясных блях в конце раннесарматского времени, поддерживая идею А.С. Скрипкина о локальных центрах производства таких изделий на До-

ну, в Поволжье и Средней Азии, ориентированных на восточные образцы [5, с. 75; 15, с. 25].

На определенную связь рассматриваемых пряжек со звериным стилем савроматского времени может указывать не только сюжет, поза животных, трактовка шерсти на ногах и шее, но и другие детали, которые присутствуют на экземплярах из Писаревки, Каратомар и Жусандыой. Это воспроизведение горбоносой морды и «шапки» шерсти на голове верблюда. На карамурунской пряжке у верблюда заметен хохолок, на что обращал внимание А.К. Акишев [9, с. 190]. Перечисленные элементы в образе верблюда характерны для звериного стиля сако-савроматского времени [6, с. 89–90]. По-видимому, это свидетельствует о преемственности художественной традиции ранних кочевников восточно-евразийских степей.

Пряжки из Кеныша 3 сопоставимы с рядом экземпляров, отмеченных в Евразии (рис. 3). Ближайшие аналогии костяным прямоугольным пластинчатым пряжкам происходят из кургана Жалтырь в Северном Казахстане (II–I вв. до н.э.) [17, с. 72, табл. 39: 10] и могильника Талдысай I (п. 2, к. 5) в Западном Казахстане, относящегося ко II в. до н.э. [10, с. 104, рис. 2: 3] (рис. 3: 3–4). Аналогичные по форме экземпляры отмечены в памятниках Средней Азии последней трети II в. до н.э. – I в. н.э. (рис. 3: 5–7). Так, пластинчатые пряжки из кости найдены в Куюмазарском могильнике [18, табл. 42: 54], из гагата (гешира) в кургане 2 Кызылтөпинского могильника [7, с. 40–44; 4, fig. 10: 2–3]. В Волго-Донье подобные изделия из гагата найдены в погр. 4 кург. 27 у ст. Жутово (II–I вв. до н.э.) [15, рис. 6А: 1–2] (рис. 3: 8–9). Костяная пряжка аналогичной формы происходит из Заволжья в погребении у с. Альт-Веймар [19, с. 47–48, рис. 25: 7] (рис. 3: 10). Подобные костяные пряжки известны и в Западной Сибири (рис. 3: 11–12). Это экземпляр из погр. 21 мог. Фирсово-XI в Приобье. В целом этот могильник датируется в пределах I в. до н.э. – I в. н.э., хотя некоторые погребения могли появиться и в более раннее время [20, с. 225, рис. 2: 5]. Другая пряжка найдена в жилище 1 поселения Каргат 4 (V–III вв. до н.э.) в Барабинской лесостепи [21, с. 81, 90, рис. 66: 12]. Несколько аналогичных изделий найдено и в Южной Сибири (рис. 3: 13–14). Так, один экземпляр из гагата обнаружен в хуннском могильнике Ала-Тей I (II–I вв. до н.э.) в Туве [22, рис. 4: 2], другой из могильника Калы на Среднем Енисее [15, рис. 6Б: 2].

Больше всего подобных пряжек происходит из хуннских памятников Забайкалья II–I вв. до н.э. (рис. 3: 15–24). На Иволгинском городище и могильнике обнаружено несколько пластинчатых экземпляров из глинистого сланца, кости и рога [23, табл. 37: 2, табл. 53: 7, табл. 96: 16, табл. 148: 7, табл. 182: 7, 10; 24, табл. 40: 3]. В могильнике Дырестуй такие пряжки, изготовленные из глинистого сланца, найдены в погребениях № 52, 114, 123. Благодаря обнаружению китайских монет «у-шу» в разных участках могильника, данный памятник датируется от конца II в. до н.э. – до I в. н.э. [25, табл. 36: 1–2, табл. 98: 2, табл. 113: 8]. Аналогичный экземпляр из гагата отмечен при исследовании могильника Даодуньцзы в Северном Китае [15, рис. 6Б: 1] (рис. 3: 25).

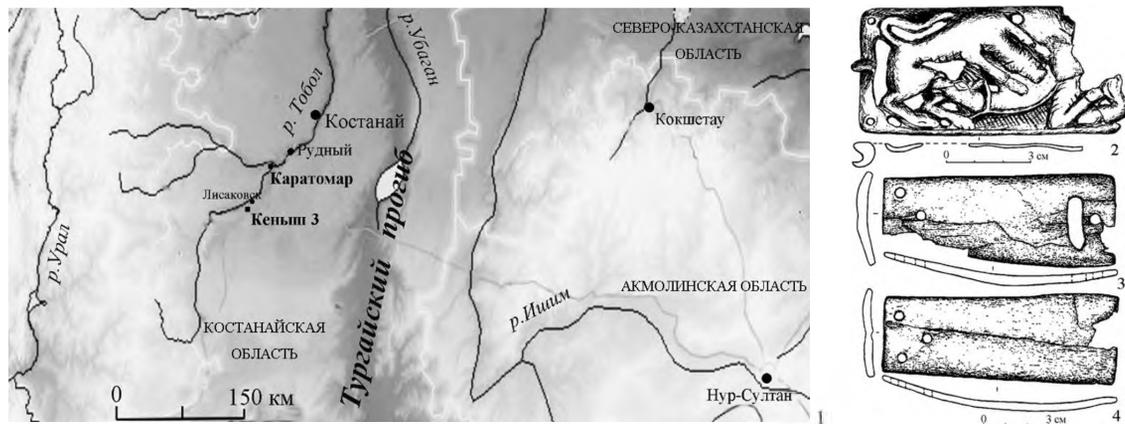

Рисунок 1 – Пряжки раннесарматского времени Тургая:

1 – локализация могильника Каратомар и курганной группы Кеныш 3; 2 – бронзовая пряжка из погребения № 5А мог. Каратомар; 3, 4 – костяные пряжки из кургана 1 курганной группы Кеныш 3

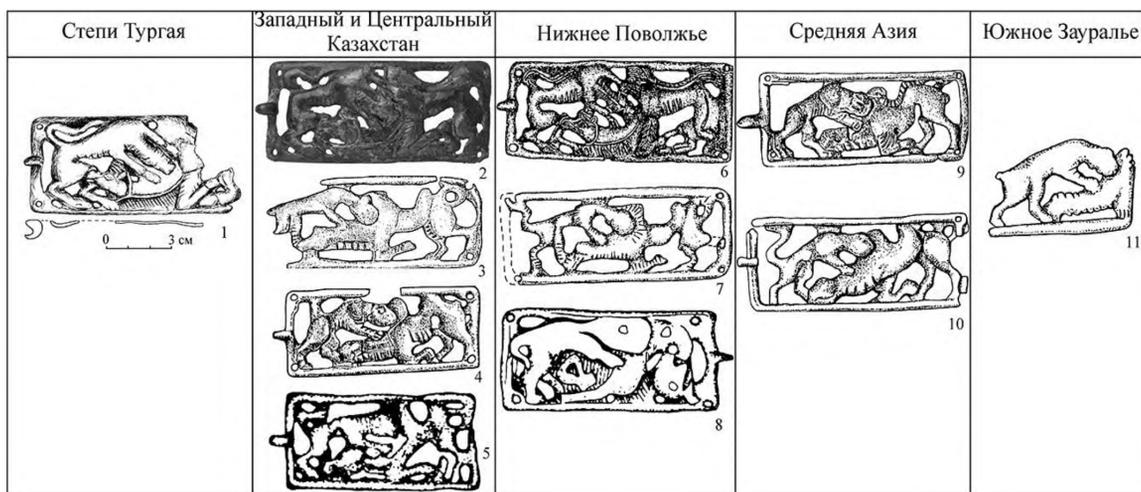

Рисунок 2 – Каратомарская пряжка и ее аналогии:

1 – яма № 5А к. 1 мог. Каратомар (по: [2]); 2 – мог. Жусандуой (по: [11]); 3 – к. 1 мог. Каратурун II (по: [6]); 4 – погр. Тастагым (по: [6]); 5 – к. 5 мог. Талдысай I (по: [10]); 6 – п. 2 к. 6 мог. Писаревка II (по: [13]); 7 – п. 14 к. 1 мог. Петрунино II (по: [14]); 8 – п. 28 к. 9 мог. Кривая Лука VII (по: [15]); 9 – к. 16 мог. Лявандак; 10 – к. 2 мог. Шахривайрон (по: [6]); 11 – курган у дер. Ванюши (по: [12])

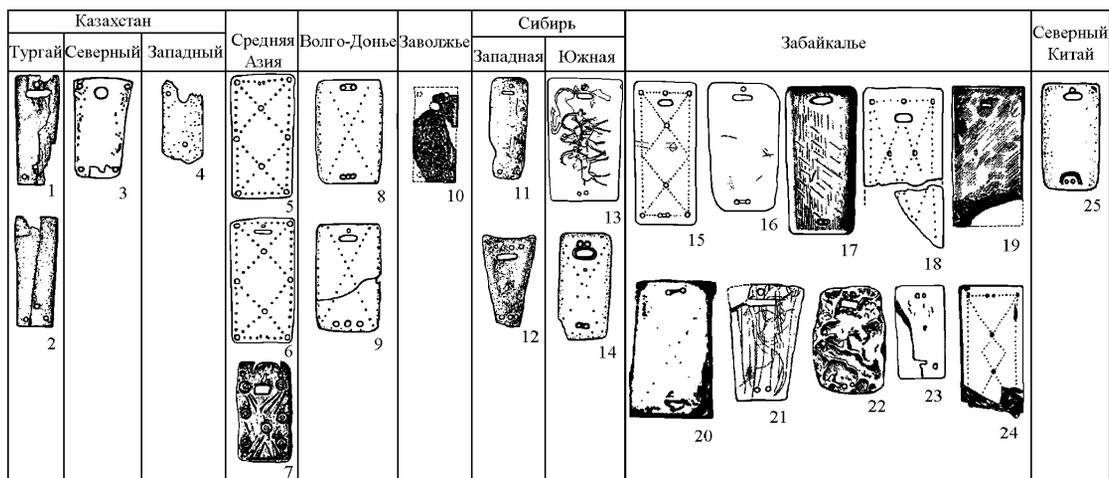

Рисунок 3 – Пряжки из Кеныша 3 и их аналогии:

1–2 – к. 1 Кеныш 3; 3 – курган Жалтырь (по: [17]); 4 – п. 2 к. 5 мог. Талдысай 1 (по: [10]); 5–6 – к. 2 мог. Кызылтепе (по: [4]); 7 – мог. Куюмазар (по: [18]); 8–9 – п. 4 к. 27 у ст. Жутово (по: [15]); 10 – погр. у с. Альт-Веймар (по: [19]); 11 – п. 21 мог. Фирсово-ХI (по: [20]); 12 – жилище 1 поселения Каргат 4 (по: [21]); 13 – мог. Ала-Тей 1 (по: [22]); 14 – мог. Калы (по: [15]); 15–16 (п. 52), 17 (п. 114), 18 (п. 123) – мог. Дырестуй (по: [25]); 19–23 – Иволгинское городище (по: [23]); 24 – Иволгинский могильник (по: [24]); 25 – мог. Даодуньцзы (по: [15]).
1–4, 7, 10–12, 21–23 – кость и рог; 5, 6, 8, 9, 13, 14, 25 – гагат; 15–20, 24 – глинистый сланец

Заключение

Таким образом, пряжки из Каратомар и Кеньша 3 имеют довольно много аналогий в степях Евразии во II–I вв. до н.э. Их следует рассматривать в контексте общей моды на ношение поясной гарнитуры из металла, кости и камня, связанной с военной активностью хуннов. Пряжки, аналогичные кеньшевской, бытовали в обширной зоне от Северного Китая до Волго-Донья, хотя к настоящему времени наибольшая их концентрация отмечена в хуннских памятниках Забайкалья. По-видимому, непосредственное развитие таких экземпляров связано с племенами, входящими в хуннский союз. Пряжки с изображением нападения пантеры на верблюда пока известны только в погребениях раннесарматского круга от Средней Азии и Казахстана до Нижнего Поволжья. Поэтому маловероятно связывать их непосредственно с хуннами. По-видимому, в рамках моды на ажурные пряжки, в среде сарматов или родственных им племен был выработан данный изобразительный сюжет. Поэтому такие экземпляры бытовали только на обозначенной территории.

Последние века до нашей эры, отмечены новым импульсом воздействия центральноазиатского происхождения. На сарматских материалах этого периода наблюдается яркий пласт восточных инноваций в вооружении, поясной гарнитуры, предметах быта, украшениях и т.д. Главным образом, эти изменения связаны с военной активностью хунну, приведшей к передвижениям многих племен, падению Греко-Бактрийского царства и другим событиям. Все это способствовало не только усилению различных контактов между племенами и народами, но и миграции кочевников с востока на запад, что подтверждается в письменных источниках, на археологическом и антропологическом материалах [26, с. 219–221; 15, с. 25–29].

Список литературы:

1. Бобоедова А.А. Рельеф // Геология СССР. Т. XXXIV. Кн. 1. М.: Недра, 1971. С. 18–25.
2. Логвин А.В., Шевнина И.В., Сеитов А.М. Раннесарматское погребение кургана 1 могильника Каратомар // Маргулановские чтения – 2019: мат-лы междунар. археол. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рожд. выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева. Нур-Султан: Евраз. Нац. ун-т, 2019. С. 316–327.
3. Базарбаева Г.А., Подзюбан Е.В. Курганная группа Кеньш-3 // Топорковские чтения. Рудный: Рудненский индустриальный институт, 1997. Вып. 3. С. 376–381.
4. Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in the Inner Asia. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. P. 349–424.
5. Глебов В.П. Пряжки с зооморфными изображениями в раннесарматской культуре Нижнего Подонья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: мат-лы IX междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посв. 100-летию со дня рожд. К.Ф. Смирнова. Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т, 2016. С. 69–79.
6. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного При-Самарский научный вестник. 2020. Т. 9, № 1 (30)

уралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.

7. Обельченко О.В. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н.э. – VII в. н.э. М.: Наука, 1992. 256 с.

8. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.

9. Акишев А.К. Новые художественные бронзовые изделия сакского времени // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 183–195.

10. Мамедов А.М., Виноградов С.М. Катакомбные погребения раннего железного века могильника Талдысай I (Актюбинская область) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: ЮУрГУ, 2009. С. 102–106.

11. Katalog: Objekte 490–530 // Unbekanntes Kasachstan Archologie im Herzen Asiens. Bochum: Dt. Bergbau-Museum, 2013. P. 757–777.

12. Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: ООО «Фирма НСС», 2004. С. 3–21.

13. Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II // Нижневолжский археологический вестник. 2002. Вып. 5. С. 251–259.

14. Сергацков И.В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры // Российская археология. 1995. № 1. С. 148–158.

15. Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. 2000. Вып. 3. С. 17–40.

16. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. // Свод археологических источников. М.: Наука, 1980. Вып. Д4–7. 66 с.

17. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Гылым, 1994. 170 с.

18. Мандельштам А.М. Кочевое население Среднеазиатского междуречья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 107–116.

19. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы северозападного Причерноморья в I в. н.э. Киев: Наукова думка, 1991. 112 с.

20. Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильник раннего железного века фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1999. С. 219–226.

21. Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

22. Килуновская М.Е., Леус П.М. Новые данные по социальной структуре населения Тувы в конце I тыс. до н.э. // Мужской и женский мир в отражении археологии: мат-лы всерос. с междунар. уч. науч. конф. Уфа: Институт истории, языка и литературы Уфимского федер. исслед. центра РАН, 2018. С. 124–134.

23. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище // Археологические памятники сунну. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. Вып. 1. 97 с.

24. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник // Археологические памятники сунну. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. Вып. 2. 176 с.

25. Миняев С.С. Дырестуйский могильник // Археологические памятники сунну. СПб.: Филфак СПбГУ, 2007. Вып. 3. 233 с.

26. Скрипкин А.С. О восточных связях сарматов во II–I вв. до н.э. // Сарматы и внешний мир: мат-лы VIII всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа: Институт истории, языка и литературы; Уфимский науч. центр РАН; центр «Наследие», 2014. С. 216–222.

Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05131573.